

селя, но у нихъ у всѣхъ было слишкомъ много работы. Слышались звоны колоколовъ, и на фонѣ этихъ сливающихся звуковъ слышались изъ казармъ звуки пальбы, свистъ нарѣзныхъ пуль и чмоканье ихъ о мишень...

„Въ Ржановомъ домѣ я въ 32 номерѣ засталъ уже чтеніе дьячка надъ покойницей. Ее внесли на бывшую ея же койку и жильцы, все голыши, собрали деньги на поминки, на гробъ и на саванъ, а старухи убрали ее и положили...

„Я взглянулъ на покойницу. Всѣ покойники хороши, но эта была особенно хороша и трогательна въ своемъ гробу; чистое блѣдное лицо, съ закрытыми выпуклыми глазами, съ ввалившимися щеками и русыми, мягкими волосами надъ высокимъ лбомъ; лицо усталое, доброе и не грустное, но удивленное. И въ самомъ дѣлѣ, если живые не видятъ, мертвые удивляются“.

Вотъ одинъ изъ тѣхъ простыхъ и правдивыхъ рассказовъ которые сами по себѣ составляютъ уже доброе дѣло и дѣйствіе которыхъ, пробуждая чувство состраданія, можетъ быть сильнѣе чѣмъ всѣ теоретическія нападки на богатство и роскошь.

Но рассматривая тотъ случай который далъ ему поводъ, что же мы видимъ? Не то чтобы матеріальная благотворительность была бесполезна или невозможна, а то, что она трудна. И въ самомъ дѣлѣ, главная трудность состоитъ не въ томъ,